

Владимир Львовский

ПОЛВЕКА — КАК МГНОВЕНИЕ,

или
ЕЩЁ 50,
ПОЖАЛУЙСТА!

Владимир Львовский

**Полвека – как мгновение,
или Ещё 50, пожалуйста!**

«Геликон Плюс»

2020

УДК 82.32.1.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

Львовский В. М.

Полвека – как мгновение, или Ещё 50, пожалуйста! /
В. М. Львовский — «Геликон Плюс», 2020

ISBN 978-5-00098-271-6

В книгу вошли рассказы из всех этапов жизни автора, несколько басен и сказка. Дорогие дети, эту книгу написали для вас, и может быть, какие-то наблюдения из жизни пригодятся и вам, как бы нелепы они вам ни показались поначалу.

УДК 82.32.1.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

ISBN 978-5-00098-271-6

© Львовский В. М., 2020
© Геликон Плюс, 2020

Содержание

От автора	6
Некраткая биография	7
Случай из детства	16
Второй случай из детства	18
Страх	21
Связь поколений	23
Я не дайвер	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Владимир Львовский
Полвека – как мгновение,
или Ещё 50, пожалуйста!
Рассказы

© Львовский В., текст, 2020

© Шагин Д., иллюстрации, 2020

© Геликон Плюс, оформление, 2020

* * *

Книга посвящается моим родителям, всем моим бабушкам и дедушкам, моей жене и детям

От автора

Дорогие мои, спасибо вам! Я не знаю, что заставило вас взять эту книжку в руки – возможно, красивая обложка, но все равно спасибо, что открыли ее в этом месте, потому что если бы это было какое-нибудь другое место, то вам не удалось бы узнать, почему автор все это написал и что он хотел этим сказать. Да ничего он не хотел сказать! Просто написал, и всё! Делать ему было нечего, вот и писал! У меня никогда и в мыслях не было писать рассказы. Все получилось случайно. В 45 лет, вернувшись из Южной Африки и немного устав пересказывать знакомым одни и те же байки, я почувствовал желание положить это на бумагу. Бумаги под рукой не оказалось, поэтому я напечатал рассказ в мобильном телефоне указательным пальцем правой руки. Да кого я обманываю, я и сейчас им печатаю. Потом я несколько раз уменьшал рассказ, норовивший все время перерасти в повесть, и я привык к тому, что в свободное время пишу в телефоне какие-то заметки или рассказы. Спустя пять лет этих рассказов накопилось достаточно, чтобы получилась книга. Именно ее изданием я и решил отметить свой 50-летний юбилей. Полвека все-таки не ерунда какая-то, и пролетели они как-то очень быстро, как одно мгновение. Мне нравится мой возраст с тех пор, как я окончил школу, и я очень надеюсь, что в дальнейшем он тоже не будет сильно огорчать меня. И если спросят, чего я хочу больше всего на свете, то отвечу без промедления, как у стойки бара: «Еще 50, пжалуйста!».

Да, и еще несколько слов о самой книге. В нее вошли рассказы из всех этапов моей жизни, и они являются чистой правдой, ну или почти чистой правдой, вымышлен только один рассказ – вы быстро догадаетесь какой, несколько басен и сказка, но, как говорят, не соврешь – красиво не расскажешь, поэтому не судите строго. Спасибо, что всё еще читаете, и надеюсь, на этом не остановитесь: впереди нас ждет самое интересное и уж точно не то, что вы ожидаете.

P. S. Дорогие мои дети, эту книгу я написал для вас, и может быть, какие-то мои наблюдения из жизни пригодятся и вам, как бы нелепы они вам ни показались поначалу.

В. Львовский

Некраткая биография

Как бы мне не ни хотелось, не смогу рассказать всей правды: додумывайте сами или верьте на слово. Боюсь, всего уже и не вспомнить, но пока маразм не подкрался незаметно со своим другом склерозом, попробую изложить, как это было. Пишу практически мемуары, которые, как водится, никто не читает, кроме непосредственных участников событий, но и тем бывает лень.

Может быть, мои дети найдут для себя что-либо полезное в этом рассказе, и то вряд ли, ибо прогресс так быстро меняет мир, что с практической точки зрения не найти ничего, а теории им и без меня хватает.

Однако типажи и поведение людей не меняются веками, что-то похожее может произойти с вами, только декорации будут другие.

Я познакомился с моим другом и партнером так давно, что сейчас кажется, это были не я и не он, а какие-то дети, за которыми я, взрослый, просто наблюдал. Постепенно дети, то есть мы, росли, и настал момент, когда взрослый сравнялся с ребенком, а ребенок со взрослым стал одним целым и получился я, только моложе, чем сейчас.

Мы встретились с Мишей, когда нам было по 13 лет и мы занимались фехтованием в разных спортшколах, периодически встречаясь на соревнованиях. Миша – восходящая звезда, а я просто участвовал. Потом я вырос до двух метров, и мы поменялись местами. После школы я не поступил на психфак в Университет и оказался в Институте путей сообщения, где обнаружил много знакомых фехтовальщиков, в том числе и Мишу. Мы входили в институтскую сборную, ездили по соревнованиям и стали общаться более тесно. Особенно запомнилась поездка в спортлагерь Севастополя.

Тогда я занимался перепродажей польских шмоток – всем, кому удавалось объяснить, что это типа хорошие вещи, – и болтался на «Галере». Все кто жил тогда в Питере знают это место в Гостином дворе. Провернув невероятно удачную, как мне казалось, операцию по закупке болгарских сигарет оптом в одном кафе, расставив продавцов со всех сторон Гостиной и быстро продав весь товар, я впервые понял – не по Марксу, а на собственном опыте, – насколько наемный труд эффективен. Выполнив план кафе на год, я счел, что можно немного отдохнуть, и поехал в лагерь в Севастополь.

По дороге выяснилось, что бригада проводников наши, лиижтовские, и время в поезде пролетело весьма незаметно. Но с больной головой по приезде в Севастополь мы чудесно проводили на море каждый день, тренировками нас не утруждали, и делать, кроме как загорать и купаться, было, в общем, особенно нечего. Но несколько забавных воспоминаний от поездки осталось.

Моим соседом по комнате был мастер спорта Леша Свириденко, в простонародье Деныч. Так вот, у Деныча жили какие-то дальние родственники в Севастополе, они поведали ему, что все нормальные пацаны ездят в пригород, где растёт виноград «Кардинал» размером со сливу, необыкновенного вкуса. И вот мы с Денычем и Мишкой, взяв рюкзаки, поехали ночью на виноградники.

Помню, долго ехали на ночном автобусе, потом шли пешком, потом рвали этот самый «Кардинал» и набивали им рюкзаки, потом вышла луна и сторож выпустил собак, потом мы очень быстро убежали и, что удивительно, убежали без потерь, Деныч только где-то порвал рубашку. Ночью, вернувшись в гостиницу, объевшись восхитительно вкусным виноградом, поняли, что от жадности набрали килограммов по десять каждый. И что-то надо с этим виноградом делать. Почему-то решили, что самое лучшее – ссыпать его в нашу с Денычем ванну.

К вечеру следующего дня мы уже не могли смотреть на виноград и пошли кормить им весь лагерь, но и это оказалось неэффективно: ванна не опустела, и мы с Денычем, от жары без

душа уже начав слегка почесываться, отправились силовым способом распространять виноград, который слегка подкис на жаре. В доказательство, что он нормален, демонстративно ели сами, наутро у всего лагеря болели животы, а из ванной так пахло вином, что остатки пришлось выкинуть. Мораль: воровство и жадность до добра не доведут!

Другое яркое воспоминание из этой поездки: арендуем на всю ночь огромный черный ЗИС, набиваемся туда; по дороге в какой-то ночной шашлычной скупаем всё пиво и шашлыки и едем в Балаклаву смотреть подводные лодки на ночном рейде.

Ехали туда всю ночь, но почему-то так и не доехали, рейда не увидели, но по дороге познакомимся с местными девушками и время провели прекрасно.

Потом я пытался зарабатывать, как мог, и что-то даже зарабатывал. Но однажды Саша, мой товарищ по институту, такой же полунациональности, как я, предложил совместно с еще одним пареньком поучаствовать в открытии ларька у Витебского вокзала.

Через какое-то время мы все переругались и расстались с неприятным осадком в душе, но без особых убытков для себя. С Александром пять лет не разговаривали, а затем, столкнувшись случайно на улице, разговорились и дружим до сих пор.

Но тогда, расставшись, я сохранил некоторую сумму денег, чем тут же воспользовался и открыл собственную компанию. Для начала, надев белые кроссовки, бутылочного цвета штаны и желтую куртку – ибо я был уверен, что именно так должен выглядеть состоятельный человек, – отправился к начальнику Витебского вокзала договариваться об установке своего первого ларька. Как ни странно, он меня принял, выслушал и даже заключил официальный договор аренды. Так у меня появилась своя первая легальная компания и возможность развиваться.

Через три года ларьков стало около двадцати, и я мог продать любую приличную партию товара. Для склада поставили двадцатифутовый контейнер, который распродался за неделю. Жизнь ларечника очень тяжелая: каждый день, без выходных и праздников, работая по двенадцать-четырнадцать часов в день и все время что-то таская на себе. Когда я приходил домой, то, несмотря на молодость и зверский аппетит, не мог даже есть, а должен был сначала полежать и только потом уже был в состоянии принимать пищу. Кроме физической усталости навалилась психологическая. Продавцов надо контролировать, товар и деньги все время пересчитывать, часто это занимало весь оставшийся вечер. Бесперывно решать проблемы транспорта и безопасности. Кто только не приходил в течение дня в мои ларьки, чтоб урвать свой, а точнее говоря, мой кусок!

Годы были беспокойные, и на разговор могли прийти и сравнительно серьезные люди, и деревенские гопники. Еще неизвестно, с кем было опаснее разговаривать. Приходили и милиционеры всех видов, ОМОН, даже однажды работники прокуратуры, могущество которых тогда еще не было так велико. Я всегда придерживался принципа, что готов делиться лишь с заработка и за что-то конкретное. А не просто так, чтоб не трогали.

Вскоре я нашел достаточно солидных партнеров, работать с которыми было комфортно. Они объяснили мне картину мира, охотно приходили на выручку, не занимаясь банальными разводами, как это тогда было принято.

Были смешные случаи. Например, пришли как-то вышеупомянутые работники районной прокуратуры и потребовали загрузить им в багажник пять ящиков спирта «Рояль», невероятно популярного тогда. Устав от переговоров с ними, я сказал, что мне надо посоветоваться с папой, и убежал звонить в телефонный автомат.

Вернувшись, я с очень серьезным видом предложил им заехать в Большой дом на Литейном и спросить там подполковника Львовского для дальнейших переговоров. Типа мой отец сегодня на месте и готов им все «объяснить». Блеф подействовал, и ребята, сняв свои претензии, растворились в неизвестном направлении.

Прошло полгода, и один из этих придурков заявился вновь, пытаюсь уже просить помощи в решении какого-то своего мутного вопроса с ФСБ. Мне было, конечно, смешно и пришлось

сказать, что отец в командировке. При этом я закатил глаза и отвел их в сторону. Что это значило, сам бы не смог объяснить, но чудак понял и опять исчез, больше уже никогда не попадаясь мне на пути.

Кроме серых трудовых будней были дни, а иногда и недели, переходившие в месяцы суперкушей. Об одном из таких стоит рассказать. Сидел я как то в ларьке у пригородных касс на вокзале и увидел проходящего мимо невероятно худого юношу с огромной копной волос на голове и в костюме из жатого шелка – цвета бордо/электрик. Его облик показался смутно знакомым, лицо располагало к доверию, и я вспомнил что зовут его Рома, что учился он, как и я, в ЛИИЖТе, а видел я его то ли в комитете комсомола, то ли в профкоме. Я вышел, мы мило пообщались и договорились встретиться в офисе его компаньона Бори на Исполкомской.

На следующий день историческая встреча состоялась. На ней выяснилось, что все мы учились в одном институте и имеем общий пятый пункт советской анкеты, что у Бори арендовано бомбоубежище, забитое спиртом «Рояль» по приемлемой цене. А с реализацией пока не очень. Обсудив детали и ударив по рукам, приступили к делу. На следующее утро я пригнал грузовик к бомбоубежищу и загрузил ларьки до самого верха. Весь спирт не влез, и остатки я продавал прямо с грузовика. Сломал цену всему вокзалу, легко устранил всех конкурентов, кроме одного, с которым мы просто договорились, проведя раздел территории по середине вокзала и установив жесткую цену. Вот такой вот первый картельный сговор.

Каждый день я вставал в семь утра и бежал на улицу ловить грузовик: использовать один и тот же было опасно, чтобы водитель не навел на склад. Ехал на грузовике на Исполкомскую, там мы втроем загружали его «Роялем» под завязку. Таскать «Рояль» из бомбоубежища было ужасно неудобно: низкие, длинные коридоры, беспрерывные ступеньки. Но грузчиков мы опасались нанимать по той же причине.

Потом я отправлялся в Купчино и начинал разгрузку там, затем ехал на вокзал и выгружал всё на землю перед ларьком, к которому тут же выстраивалась очередь, остатки допродавались с машины. С транспортной милицией имелась договоренность, и они охраняли эту торговлю за тот же «Рояль». Так что все было тихо, спокойно без особых эксцессов. К вечеру, когда оставались только пустые коробки, я ехал на такси снимать кассу в Купчино и возвращался на вокзал, где забирал всю прочую выручку. Продавцам было запрещено сдавать купюры меньше двадцати пяти рублей, в основном пятьдесят и сто. Таких денег каждый раз к вечеру я набивал шесть коробок от «Рояля», и они по три коробки умещались в огромных авиационных полосатых сумках «мечта оккупанта». Сгибаясь – теперь уже под тяжестью денег, – я ехал домой на пойманном частнике, только на заднем сиденье и только сидя за водителем.

Перемещение через проходной двор и вход в темный подъезд напоминали операцию спецназа по штурму Белого дома. Слава богу, никому в голову не приходило, что в этих сумках деньги, иначе бы ничего не спасло от черепно-мозговых травм.

Вечером при закрытых шторах до часу ночи пересчитывал деньги. Наутро ловил машину, ехал сдавать их Борьке и грузить новую партию спирта; и так каждый день без выходных. Что-то подсказывало мне, что это не вечная история, поэтому и не давал себе отдыха.

Каждый день я зарабатывал на новый автомобиль, научился по толщине пачки определять количество купюр в ней, а тратить эти деньги было просто некогда, да и не на что. Они, изматывая своим количеством, лежали дома везде в тех самых коробках из-под спирта. Было страшно их тратить, чтобы не светиться. Это очень странное чувство, когда тебе кажется, что можешь купить все, и именно это, несмотря на двадцать один год, вызывает другие чувства: пресыщение и абсолютное нежелание чего-либо хотеть. Наверное, в то время у меня не была развита фантазия или рынка услуг не было вообще, проседал, но, может, это меня и спасло.

Так вот, тема, как я и предполагал, продержалась на таком пике сорок дней, а затем государство повысило ввозные пошлины и «Рояль» стал неактуален. Пришло время подводить итоги. На руках оказалась довольно большая денежная масса, которую следовало куда-то

потратить, ибо деньги в те времена быстро обесценивались, плюс несколько обменов старых денег на новые.

В результате я увеличил число ларьков до двадцати, купил микроавтобус, оборудовал двадцатифутовый контейнер под склад и порадовал себя вишневой «восьмеркой» семилетнего возраста. Водить я не умел, поэтому нанял водителя, оказавшегося впоследствии порядочным жуликом, как и большинство людей этой профессии. Через какое-то время я уверенно стоял на ногах, и тут состоялась встреча с Мишей.

Дело в том, что у Мишки была забавная тема: он где-то за Уралом покупал на армейском складе пальчиковые аккумуляторы для рации. Они хранились в старых картонных коробках в ржавчине и масле одновременно, но при этом вполне прилично работали. Вот тут-то Миша и показал, что папу у него звали Феликсом, а не Васей. Миша заказал в типографии партию этикеток. Нанял весь класс младшего брата, чтобы школьнички мелкой наждачкой отчищали эти аккумуляторы и клеили на них этикетки. Закупив партию зарядных устройств, он продал комплект на рынке «Юнона» с прибылью 1000 %. Один нюанс: заработанные деньги уходили у него на жизнь, а на закупку крупных партий не хватало оборотного капитала. С этим вопросом Миша пришел ко мне. Мы быстро договорились и уже через месяц делили деньги.

Тема была прекрасна, но, как все прекрасные темы, имела не только свое начало, но и свой конец. Прапорщик, возивший нам эти аккумуляторы в трех больших, абсолютно неподъемных чемоданах, исчез – то ли спился, то ли попался, то ли аккумуляторы закончились. Однако исчез. Я вернулся к своим ларькам, а Миша ушел выдумывать новую тему.

Через какое-то время, безуспешно попробовав торговать автомобильными сигнализациями, Миша появился вновь. На лице его сияла улыбка и уверенность в завтрашнем дне. Он нашел продавцов и поставщиков одновременно. С вполне приличной маржой между ними. Речь шла о черносливе и вишне в шоколаде польского производства. Продав первую партию и посчитав прибыль, мы на всякий случай скупили остатки этого барахла на складе продавца. И вот тут нас постигло небольшое фиаско.

Через две недели мы вежливо узнали у покупателя, не желает ли он приобрести еще одну партию, но услышали, что из первой еще ничего не продано. И тогда, чтобы не есть тонну чернослива в шоколаде, мы учредили оптовую контору по продаже продуктов питания. Арендовали склад, я обменял три ларька на четырехкомнатную квартиру в доме, идущем на капремонт, затем мы наняли секретаря, двух торговых агентов и стали сами развозить по магазинам конфеты и собирать деньги.

Дальше выяснилось, что с коротким прайс-листом неудобно работать агентам, и, чтобы увеличить выручку, мы стали искать тех, кто еще торгует кондитеркой. В результате у моих знакомых, с которыми я раньше толкал оптом джинсы, на военном складе обнаружилась огромная партия испанских кексов, производимая испанцем со смешным именем Херос.

Достаточно быстро распродав кексы по магазинам, мы попытались выйти на этого самого Хероса по факсу, указанному на коробке, ради чего был куплен факс. Херос ответил, что имеет представителя в Москве, и предложил связаться с ним.

Представитель оказался симпатичной девушкой, как впоследствии выяснилось – дочкой генерала и женой олигарха. С огромной свитой она приехала в Питер. В «Невском Паласе» состоялась историческая встреча, по результатам которой мы следующие пять лет растамаживали и ввозили фуру за фуру этих кексов, заполонив ими буквально все магазины. Кстати, кексы были вкусные.

Через год торговли на нас вышел Джин – литовский еврей с американским паспортом. Бывший партнер того самого Хероса. Он построил в Литве заводик и принялся делать похожие кексы, но намного дешевле и без начинки. Почему-то он доверил провести переговоры простому парню из Риги по имени Виталик. Хотя позже, многократно побывав у нас, Джин,

по-моему, жалел, что пустил этого предприимчивого и молодого тогда человека в нашу схему. Виталик переехал жить в Питер, и мы сильно сдружились.

За первые два года общения Виталик притащил новые темы. Мы уже торговали кроме кексов какими-то соками, лимонадами и еще какой-то прибалтийской дребеденью. Но апогеем стало открытие производства пельменей в 95-м году.

Мы сняли помещение бывшей заводской столовой, немного отремонтировали его, выписали из Прибалтики завпроизводством, который стал нашим компаньоном, и приступили к делу. Годы были голодные, поэтому проблем с реализацией поначалу не возникало, пельмени разлетались, а магазины-закупщики вставали в очередь. Мы взялись расширяться, построили еще один цех на соседнем заводе, продали офис и всю тему с кондитеркой. Ларьки я уже давно сдал в аренду. Купили тягачи «Вольво» и в Англии закупили б/у прицепы – холодильники. И тут нас порадовал кризис 98-го года.

Остатки денег за кондитерскую дистрибуцию получали с трудом, ларьки пришлось распродать задешево. Тягачи с прицепами простаивали, и мы еле смогли избавиться от них в два с половиной раза дешевле, чем купили. Началась жуткая инфляция, и непонятно было, что выгоднее: продавать пельмени или держать сырье на складе, потому что оно каждый день росло в цене. В общем, все летело в тартарары, и с каждым днем я чувствовал, что становлюсь несколько беднее, чем вчера. Пришлось нам, а точнее, мне снова засучить рукава и начать все сначала. Фраза звучит невероятно глупо, но по-другому не сказать.

В конце концов резкие скачки цен на рынке прекратились. Цены просто стали ползти вверх. Количество покупателей уменьшилось, в магазинах упали обороты, и директора, сидящие там, ничего лучше не придумали, как сократить ассортимент до самого необходимого. В самое необходимое дорогие пельмени не входили. А тут еще на сокращающемся рынке появилось несколько крупных игроков-производителей, которые принялись этот рынок отчаянно рвать. В общем, пришлось создавать торговый отдел по совершенно новому образцу.

Я закончил курсы продаж, набрал группу активных людей, провел им обучение этим же продажам и, разбив весь город на сектора, благословил их на подвиг. Результаты порадовали, однако впереди еще предстояла большая работа. Перед самым началом кризиса 2008 года, когда мы продавали компанию, она включала в себя собственное производство, оборудованное в отдельно стоящем здании, с большим автомобильным парком, рефрижераторами, офисом и торговым отделом. Мы работали со всеми крупными сетями России и имели представительство в Москве. Параллельно с этим в 99-м году Миша увидел в Финляндии пруд, зарыбленный форелью, где счастливые финны за деньги ловят рыбу, им ее коптят, и финны поглощают готовенькое с пивом. Этот аттракцион оказался невероятно популярен и у наших туристов.

Его беспокойный еврейский ум не мог видеть деньги в чужом кармане вместо своего, и мы решили попробовать сделать что-то подобное. Был нанят кандидат ихтиологических наук, обследованы пруды Петербурга, закуплена большая бытовая коптильня, деревянная беседка, мебель, а на судостроительном заводе – железные понтоны и садки. Осталось только договориться с директором Приморского парка Победы, где мы задумали все это разместить на Южном пруду.

Я применил все свое мастерство в искусстве продаж, танцевал с бубном и вприсядку, пел и рассказывал анекдоты, а дама-директор все не подписывала договор. Вмешался случай: я случайно познакомился с ее начальником и тот, узнав, в чем дело, мгновенно позвонил ей и все решилось. Причем надо сказать, что чиновники тогда в первую очередь рассматривали интересы города и людей, а потом уже собственных карманов и кресел. И это были не громкие слова с трибуны, а реальность.

Итак, мы наняли персонал и открыли свой аттракцион «Русская Рыбалка». Никто не думал, что он превратится в ресторан. В первый же час выстроилась очередь из гостей, и если они успевали ловить рыбу, то мы коптить ее – нет. За час они выпили все пиво, съели все

покупные салаты. У нас была пластиковая мебель, одноразовая посуда и моноблюдо: рыба из коптильни. Через несколько дней мы задумались о ресторане, а еще через несколько дней уже были уверены в его необходимости.

Мы срочно добавили столы, построили сарай с названием «Летняя кухня», но гостей было больше, чем посадочных мест. Затем мы, познакомившись с главой администрации и районным архитектором, нашли специалиста для нашего проекта. Он нарисовал очень симпатичное деревянное здание, стоящее над прудом на сваях, и наступило время согласования, что оказалось не так просто уже тогда; а надо сказать, что в первое же лето заведение достигло такой популярности, что к нам неоднократно приезжали пообедать губернатор Петербурга и один из вице-губернаторов, ныне уже не живущий, которых со словами благодарности я вспоминаю до сих пор. Они-то и помогли преодолеть те проблемы, которые казались мне тогда совершенно неразрешимыми. Сделано это было просто потому, что оба считали: такой необычный ресторан украсит Питер, став одной из его достопримечательностей.

В общем, помогли абсолютно безвозмездно, за что им тоже огромное спасибо. Мы собрали все имеющиеся деньги, я даже отдал свой автомобиль в зачет стройки, и с сентября по июнь здание было построено. Оно казалось нам дворцом, мы все время что-то придумывали, чтобы его украсить; так появились куклы киногероев Кузьмича и генерала, летающая корова, рыбы, сидящие на дереве, авторская резьба и ковка. Мы скупали всех рыб, которых видели, и украшали ими ресторан, я принес из дома старинные удочки деда, и мы докупили еще – новых, но из бамбука и с катушками старого образца. Ресторан получился свежий, уютный, и поток гостей не замедлил появиться, наша популярность росла. Через год нас посетили президенты России и Франции.

В этом месте можно было бы смело поставить точку, закончить рассказ восторженными отзывами и посчитать карьеру достигшей своего пика. Но это не совсем так, это только начало пути, по которому я иду до сих пор.

Президенты нас тогда похвалили, оба пошли на рыбалку. Путин поймал рыбу сразу, а Ширак что-то копошился и вытащил форель спустя какое-то время, дважды зацепившись крючком за сеть. В этот момент аж гордость взяла за страну, наш-то орел, вон как с первого раза, всей Европе нос утер, поняли, как надо! Потом там же, на понтоне, нас с Мишей представили президенту коротким словом: владельцы, Владимир Владимирович!

В ответ мы услышали: «Молодцы, мужики!» И все. Ну а на что еще можно было рассчитывать? Ширак тоже поблагодарил, уже на выходе из ресторана. Приятно и опять же гордость – вот, смогли принять таких персон, они поели и довольны.

Казус в том, что обед по протоколу был запланирован на час сорок, максимум два часа, по факту продлился около четырех с половиной; человек, отвечавший за протокол, уже всерьез рвал волосы на голове, я слышал, как он говорил сам с собой: а корабль, а мадам Ширак? И самое важное для нас, что оба хорошо кушали, выпив всего по пятьдесят граммов русской водки, пили квас нашего приготовления и спустя четыре часа никуда не собирались уходить, видимо, тема разговора была интересна обоим, а место удобно для обсуждения этой самой темы.

После четырех с половиной часов протокольный решительно двинулся к столу, но был кем-то остановлен, потом, отчаявшись, пошел к начальнику охраны, и уже тот воздействовал на ситуацию, и VIP-гости стали собираться.

Стояла жуткая жара, они, сняв пиджаки, видимо, очень не хотели их надевать и ехать куда-то дальше, но навалившаяся свита, как бурный поток, вынесла президентов на улицу. Короткое вежливое прощание, и они умчались на корабль. Все вокруг опустело. Я сел на улице и понял, что из-за нервов не ел ничего со вчерашнего вечера, и есть не хотелось, а внутри началась мерзкая дрожь, наверное, стресс сходил. И я, вспомнив народное средство, в первый и последний раз – а может, и не в последний, загадывать нельзя – налил себе полный стакан

водки и выпил залпом, как воду. Минут через десять дрожь ушла, сознание слегка замутилось, и появился аппетит.

Помню, с удовольствием закусывал остатками президентского стола и пил водку. Про следующую встречу с президентом, тогда на какое-то время ставшим премьером, расскажу позже. На следующее утро мы проснулись знаменитыми, нас атаковали журналисты с бесконечным количеством одинаково дурацких вопросов, особенно всех интересовало, как это посещение изменило наш бизнес. Ну что им ответить хоть на следующий день, хоть через неделю? Да никак в краткосрочном периоде, а в долгосрочном все забудут.

Поэтому решили срочно развиваться дальше и использовать этот визит как пиар-ход для чиновников. Мы тогда планировали строительство нового ресторана с пивоварней рядом с «Русской Рыбалкой». Сказалась поездка Миши на Октоберфест, где он прикоснулся к вечному, то есть к пивной культуре. Мы разрабатывали два инвест-проекта с выкупом земли под «Рыбалкой» и будущим пивным рестораном. Денег, как всегда, не хватало, вокруг крутились мошенники со сладкими лицами, которые предлагали ну очень выгодные инвестиции. И несмотря на эту нехватку, мы все равно решились на еще один большой проект – «Русскую Рыбалку» за городом, рассудив, что, пока проект согласуем, и деньги появятся. Еще до посещения президентов рассматривали Сестрорецкий Разлив, но уверенности не было, а уж после посещения решили переть буром – как известно, наглость второе счастье – и подали заявку на Комарово, где выросли я и мой папа, где еще в далеких 50-х мой дед-цеховик построил дачу и я знал каждый корень на дорожках и в лесу.

Мы подали заявку на ту часть берега Финского залива, откуда я часто отплывал на лодке с моим другим дедом на рыбалку. Я увидел в этом некий знак; место было хорошее, и самое главное – там была огромная неперсыхающая лужа, которую я выдавал за пруд.

Вот тут судьбоносная встреча президентов и сыграла роль. Документы пролетели первую стадию очень легко, но все это было при Яковлеве.

А пока согласовывали пивной ресторан, переводили в собственность из «временки» «Русскую Рыбалку». И тут мы столкнулись с новой проблемой – на участок, где мы собирались строить ресторан, объявились претенденты.

Дело в том, что рядом с нами известный тренер-велосипедист Кузнецов начал строить велотрек, но строить собрался на месте теннисных кортов, у которых тоже был хозяин. Корт считался «временкой», поэтому с ними не особо считались, и администрация легко пообещала им разрушенную асфальтовую площадку автодрома, на которой мы уже всюю проектировали ресторан с пивоварней, благо разумно сказав нам: разбирайтесь меж собой сами. А как разбираться? Участок один, у теннисистов крепкие связи, и за ними стоит солидный нефтяной инвестор.

А мы стоим с надутыми щеками и несем чушь про то, что мы чуть ли не в «кремлевский общак» засылаем, потому связываться с нами не надо, иначе старшим пожалуемся, а они этого не любят, и всем мало не покажется. Думаю, нам не поверили, но у инвестора, как мне кажется сейчас, возник другой инвест-проект на Каменном острове. Проект был солиднее и интереснее, поэтому денег инвестор не дал, а теннисист повел себя порядочно и не стал гадить, а просто отошел в сторону. За что ему отдельное спасибо, и поэтому мы до их пор общаемся.

После этого мы с удвоенной скоростью начали строить ресторан и оформлять документы; провели историко-культурную экспертизу, я ездил в Москву на прием к замминистра культуры и доказал, что никакой культуры в разрушенной асфальтовой площадке нет. Видимо, был убедителен и, получив согласие, уже достаточно легко победил Комитет по охране памятников СПб.

Еще мы с Мишей ездили в Мюнхен закупать оборудование для нашей будущей пивоварни. Приехали в какую-то немецкую деревню, там в ангаре вся в паутине стоит пивоварня, причем немцы ее тоже покупали не новую и на разных заводах; на вопрос, работает или нет,

нам оставалось только поверить на слово. Но тогда мы еще верили, что европейцы ведут себя в бизнесе честно всегда. Посмотрели, торгались, в ближайшем ресторане отметили пивом же подписание контракта.

Едем назад, Миша просыпается и говорит: «А ты знаешь, что мы сейчас совершили самую большую сделку в нашей жизни?» – и заснул опять. Он вообще обладает уникальным свойством спать в любом месте в любой позе, отрубается мгновенно; а я сижу и думаю: он в деньгах имеет в виду? Ну да, мы никогда так много никому сразу не платили. Или, если говорить про значимость, эта сделка может изменить нашу жизнь? Мы до этого еще не варили пиво... и тоже заснул.

Наутро мы зачем-то поехали в Берлин. Утро было тяжелое, и мы что-то не рассчитали с деньгами. Их еле хватило на два билета, один суп и кружку пива в поезде. Вот так совершили свою первую серьезную сделку бизнесмены-пивовары. Потом нам деньги перевели «Вестерном», и все было нормально, но эта поездка на поезде! Голодные, уставшие после «самой крупной сделки», один суп на двоих и поезд, который тащился, не пропуская не только деревушки, но, как мне казалось, даже отдельных пассажиров, которые, стоя на путях, голосовали. Затем была большая стройка и все что с ней связано, затем я попал в больницу при более чем странных обстоятельствах.

Я поел в собственном ресторане грибного супа. Вкус мне показался немного странным, и уже наутро начались боли в животе. Потом возникла светобоязнь и палуба подо мной зашаталась, потом я уже с трудом ходил, стал плохо видеть: перед глазами пелена; лимфоузлы распухли везде, где они есть. В таком виде меня и привезли в больницу к знакомому врачу. Та, посмотрев анализ крови, перевела взгляд на меня и уже как-то по-другому спросила: а ты как себя чувствуешь-то? Впоследствии она пояснила, что с такой цифрой лейкоцитов людей живых не встречала за тридцать лет практики.

Меня сразу положили под капельницу и прокапывали несколько дней. Я засыпал – меня капали, просыпался – было то же самое; время потеряло границы, я перестал понимать, где ночь, а где день, не вставал несколько дней, есть не хотелось, все остальное не нужно. Пролежал так в больнице две или три недели, уж не помню. Потом ходил с палкой, чтобы не упасть, потом ездил в санаторий; но все равно восстановление шло медленно, иммунитет был на нуле, и если в радиусе километра кто-то чихал или я переохлаждался, тут же схватывал простуду.

В общем, вышел из этого состояния благодаря ходьбе босиком и бане по совету одного моего друга, который сам это практиковал. Впоследствии другой друг, врач по образованию и своей сути, внимательно выслушав мой рассказ, с абсолютной уверенностью сказал, что меня пытались отравить биоядом.

И тут я вспомнил странный вкус супа и еще несколько странных факторов. Но это всего лишь подозрения, поэтому выводы из них не сделать.

С этой болезнью отвлекся от главного – от строительства ресторана. Был нанят австрийский инженер, который забраковал работу отечественных сварщиков, пришлось нанять немцев и все переделывать.

Пригласили французского шеф-повара и баварского пивовара, который, запустив пивоварню и варя вполне приличное пиво, спился и снюхался за полгода так, что его, абсолютно синего, с тремором, загрузили в самолет, сунув в карман расторгнутый контракт на память.

Между тем наступил декабрь 2002-го, и пришло время открывать ресторан, а следовательно, давать ему имя. Мы устроили мозговой штурм, понаписали два десятка названий, но все они были обычные, типа «Пивная мельница» или «Баварский дом»... Не цепляло. Прошло несколько дней, название не приходило, тут я вспомнил Швондера из «Собачьего сердца» Булгакова – тот эпизод, когда к Швондеру пришли с просьбой назвать двух девочек и предложили имена Бебелина, Пестелина, Баррикада, но он сказал: «Нет! Давайте назовем их просто:

Клара и Роза. В честь Клары Цеткин и Розы Люксембург, товарищи!» Не то чтобы Швондер был героем для подражания, но мне понравилась идея назвать ресторан двумя именами.

Я предложил «Карл и Фридрих», и не то, чтобы я так любил марксизм, просто имена ассоциировались с немцами и были на слуху семьдесят лет до этого. Мише идея понравилась настолько, что он до сих пор пытается выдать ее за свою, но хоть мы оба знаем, как было на самом деле, я особо не спорю.

Кстати, еще лет пять после открытия нас спрашивали, кто из нас Карл, а кто Фридрих, несмотря на то что на эмблеме ресторана нарисованы ярко выраженные Маркс и Энгельс – один в баварской шляпе и в поварском колпаке другой, ну и конечно, у обоих бороды лопатой, как и положено.

Кстати, мода меняется, и могли ли мы подумать тогда, в 2002-м, что хипстеры сделают бороды модными?

Дальше была большая долгая работа, мы выросли, старели, случались взлеты и неудачи; мы открыли еще несколько ресторанов и один летний клуб, построили «Русскую рыбалку» в Комарово с тремя прудами, открыли самую большую пивную в Петербурге, а может, и в России и провели туда суслопровод из «Карла и Фридриха», но об этом как-нибудь потом, придет время, когда я дорасскажу эту историю.

Мы работаем, а значит, это не конец. Продолжение следует, господа!

Случай из детства

Вы детстве когда-нибудь терялись? А я два раза. Вернее, меня потеряли или даже, можно сказать, забыли.

Нет, никакого злого умысла не было. Мои родители меня очень любили, а я их, но они тогда были моложе, чем я сейчас, поэтому мысли их были заняты не только детьми, даже, думаю, в основном не детьми, вот меня и забыли. Один раз в общественном туалете, а второй – на Красной площади в Москве. Забавно, да?

Только не надо проводить никакие параллели. Никакого подтекста. Просто так получилось, и все.

Первый раз это произошло, когда мне было шесть лет и я впервые с мамой и бабушкой поехал на Черное море. Там в поселке Айданиль мы сняли маленькую комнату с еще более маленькой верандой у поварихи из детского сада. «Удобства» располагались во дворе. Причем одно удобство на несколько дворов. Деревянное здание с бетонным полом и дырками в нем. Между дырками перегородки. Вот, собственно, и все.

Мама или бабушка водили меня туда по большой нужде, а по малой никто вообще не заморачивался. Надо сказать, что ребенком я был умным, но умел не всё. В это «не всё» входило завязывание шнурков бантиком – но, слава богу, на юге на шлепанцах они не нужны – и правильное использование газеты по назначению. Ну не умел! Наверно, уже все умели, а я нет. Почему, я сейчас, пожалуй, не смогу объяснить.

Со шнурками-то еще понятно, а вот с газетой... Хотя я умел делать значительно более сложные вещи: вырезать ножом мечи и кинжалы, по-настоящему перебинтовать порез, предварительно намазав йодом; мог делать кораблики и вертушки из бумаги и многое другое, но не это. Так вот, однажды мне приспичило, и мама отвела меня в туалет.

Было это после того, как мы пришли с моря и пообедали. Дойдя до туалета, мама вспомнила, что газету она забыла в комнате. В общем, она оставила меня над дыркой, а сама ушла и, видимо, устав после моря и на что-то отвлекшись, про меня забыла. То есть забыла меня в сортире. Но я еще про это не знал. Я спокойно сделал свои дела и стал ждать, когда придет помощь, а она все не шла.

Надо сказать, что находиться в 30-градусную жару на юге в общественном сортире – то еще удовольствие. Глаза щиплет то ли от хлорки, которую в целях дезинфекции не жалели, чай не творог, даже на халяву много не съешь, то ли от иных запахов – полдеревни сюда же ходят, да еще курортники, проходящие мимо, заскакивают. Но сейчас я один, все как вымерли – послеобеденный кейф, блин! Только мухи жужжат. И вот когда у меня затекли ноги сидеть на корточках, я понял, что надо искать выход. Нет, я не испугался, просто идти со спущенными трусами было уже как-то не по-пацански, все-таки шесть лет, а вдруг увидят? И я начал высывать голову из-за дощатой перегородки и звать маму. Тишина. Даже на улице никого, на дворе тоже.

Провел я в этом туалете час или, может, больше. А мама, когда вспомнила, страшно перепугалась и бросилась меня спасать. Прибегает, когда я уже всем мухам имена дал, напуганная такая и давай меня на руках нести назад, спасать в смысле, а я не даюсь, ведь газету-то она впопыхах опять забыла. Пришлось ей еще раз туда и обратно бегать, чтобы меня окончательно спасти.

Второй раз это случилось на Красной площади, когда мне уже исполнилось восемь лет. Папа поехал с группой спортсменов в Липецк, и по дороге намечалась остановка в Москве на целый день. А я в Москве никогда не был. И когда отец предложил поехать с ним, счастьем моему не было предела. На поезде и в Москву! Нынешними словами – крутяк! Ехать было весело: спортсмены – ребята молодые, с большим чувством юмора – всё подшучивали друг над

другом. Приехали – и сразу на Красную площадь. Я еще в Мавзолей хотел, Ленина увидеть, но там большая очередь, и папа сказал: в другой раз.

Гуляем мы по Красной площади, лето, жара, солнце светит, народу тьма. Кругом чисто, красиво, в следующем году Олимпиада-80, и центр уже в идеальном состоянии. Готовились-то раньше заранее, не то что сейчас. Спортсмены отцовские разбрелись кто куда, и с отцом только я да еще две девушки посимпатичнее остались. Старшая женской группы и еще одна легкоатлетка.

А перед отъездом мне как раз кроссовки новые купили.

Кроссовки-то были детские, а шнурки длинные, как от взрослых, наша легкая промышленность не парилась тогда особо, ну шнурки и шнурки, что их разной длины-то делать, поэтому шнурки все время развязывались; а я уже научился бантик вязать, но получалось это как-то долго. Поэтому, когда в очередной раз на Васильевском спуске они стали жить своей жизнью, я сказал: «Пап, подожди, я со шнурками разберусь» и сел на корточки. На площади было шумно, и папа, увлекшись разговором с девушками, не услышал и пошел дальше. А я, пока шнурки завязывал, папу совсем потерял. Что делать? Подпрыгнул пару раз, чтоб лучше видно было. Не помогло. Постоял на месте, полюбовался видами. Вспомнил, что папа говорил: «Если когда-нибудь потеряешься, стой на том месте, где потерялся, и я тебя там найду». Минут через двадцать я уже начал подумывать, а на том ли месте я потерялся. Может, это не то место, где надо теряться, и надо было какое-нибудь другое найти – и там уже теряться. Появился взмыленный папа, уже без девушек. Похвалил меня, что все сделал по инструкции, и мы пошли дальше.

А шнурки еще много раз потом развязывались, но я крепко держал папу за руку и на них не отвлекался.

В общем, теперь я знаю, чему надо учить детей: во-первых, хорошо уметь пользоваться шнурками, а во-вторых – если где-то потерялся, то стой там и тебя обязательно найдут, будь то Красная площадь или сортир – все равно. И не надо проводить никаких параллелей.

Второй случай из детства

Интересно все-таки устроена человеческая память. Не знаю, только у меня так или у всех. Есть воспоминания детства правильные, понятные, хорошие и немного стершиеся, как пожелтевшие страницы. Осторожно открываешь такую книгу, даже иногда гладишь страницы и корешок фолианта и рассматриваешь старые, но удивительно четкие картинки.

Вот я встал в кровати, может быть, в первый раз, и передо мной на буфете тикают белые часы с черными цифрами, я тянусь к ним, но не достаю. Вот мама несет меня на руках, мы бежим куда-то, я задом наперед, из рук падают игрушечные ножницы, и я плачу; а вот мою детскую кровать разбирают и уносят куда-то незнакомые дяди: вырос, наверное; вот папа играет со мной на зеленом диване, у нас два пистолета – красный и синий, они стреляют присосками, и мне очень здорово и немного страшно.

Бабушки, запахи с кухни, самовар, дед возвращается с зимней рыбалки в валенках, ватнике и потрепанной меховой шапке. И снова запахи, свет, счастье, ты смотришь на всё снизу вверх, и все тебе кажутся большими и добрыми.

А бывают воспоминания абсолютно нелепые, но из-за сильных переживаний настолько прочно врезавшиеся в память, как будто событие произошло только что. И ты не только помнишь все, что видел до мельчайших подробностей, но помнишь даже, что думал, что чувствовал в этот момент, и опять запахи и звуки вокруг.

Один такой нелепый и даже неприятный, но все-таки смешной случай я попробую описать. Не потому, что он так интересен или поучителен, а потому что прочно врезался в память и мог случиться с каждым, но, уверен, не каждый рискнул бы честно рассказать такое о себе.

Итак, я уже всю ходил в школу, уже закончил третий класс и перешел в четвертый. Первые три класса у нас была одна классная комната, в ней была одна учительница, мы никуда от нее из класса не уходили и очень ее любили. И тут четвертый класс. Кто переходил из младшей школы в среднюю, возможно, испытал подобный стресс. Родной класс, в смысле комната, добрая, любимая учительница – все это исчезает в одночасье, а вместо этого ты должен бегать, как неприкаянный, по школе из кабинета в кабинет к разным учителям.

У тебя нет своего постоянного места жительства. А еще тебя подстерегает куча опасностей в виде учеников средней и старшей школы. Они не то что плохие, просто им скучно, а ты для них живая мишень, ходячая развлекуха. На перемене, например, не стоит заходить в туалет, особенно если там курят ученики седьмых-восьмых классов, а курят они постоянно, и приколисты еще те; зайдешь по-маленькому – а дверей почему-то в кабинках туалета для мальчиков не было, – пока стоишь перед унитазом, можно пинок сзади получить. Ты теряешь равновесие, штаны слегка мокрые, а они смеются до слез. Так что писать приходится вполоборота, а драться с ними бесполезно, их больше, да и разница между семи-восьмиклассником и четвероклашкой слишком большая. А если по-серьезному приспичит, даже не думай, у них тут клуб «дымок», а ты воздух пришел портить – выгонят да еще кренделей навешают на выходе, чтобы знал, что это закрытый клуб, только для избранных.

Но и это еще не все. Уроки ведут разные учителя, и им возиться с тобой некогда, им бы программу пройти успеть. Поэтому они либо бестолково бубнят что-то у доски, пока весь класс на голове ходит, либо строги настолько, что даже мухи от их крика дохнут.

Вот в таком классе с полным отсутствием мух и преподавала русский язык учительница по прозвищу Григораша. Это в связи с ее отчеством Григорьевна. Потом я понял, что всю жизнь, уже не помня правил, пишу в основном без ошибок только благодаря ей, а в то время ее опасался не только я, но и самые конченые хулиганы в школе. И вот сижу я на уроке у этой самой Григораша, а она в свойственной ей манере лютует у доски. И у большинства населения

класса только одно желание – сделаться невидимым или исчезнуть вовсе, во как страшно! На этой почве у меня разыгрывается медвежья болезнь.

Я терплю, но понимаю, что до конца урока не протяну, и робко начинаю тянуть руку. Но учительница уже вошла в раж и что-то диктует, громко так, как гвозди вбивает. А мне и так плохо, и писать еще под диктовку надо, и руку тянуть, чтобы выпустили.

Она диктует, меня не замечает, а я уже на грани взрыва. Минуты через три понимаю, что держаться нет больше сил, делаю еще одну отчаянную попытку обратить на себя внимание голосом, но тоже безрезультатно. Счет идет на секунды, а в голову лезет рассказ папы про мальчика-спартанца, которому лисенок прогрыз бок, но мальчик не прервал речь любимого учителя, и понимаю, что отсюда до Спарты так же далеко, как от подвига того мальчика до неприличного положения в котором я вот-вот окажусь. И с криком: «Можно выйти?» – убегаю из класса.

Насколько возможно быстро бегу к туалету. Врываюсь туда на последнем издыхании, добегаю до унитаза – и тут новое, неожиданное испытание. Дело в том, что в то время, когда я учился в школе, родители часто покупали мальчикам форму на вырост: не на один год, а на два. Куртки шили бесформенные, и в первый год рукава можно было подвернуть, брюки подшивали, а чтобы они не сваливались, затягивали ремень потуже.

У меня форме как раз был первый год, то есть на вырост, но с ремнем с утра не заладилось, и отец торжественно надел на меня свои новые подтяжки. Кто был мальчишкой в то время, поймет меня: мы трепетно относились к отцовским вещам, которые нам, как взрослым, доверили поносить. Ну это примерно как знамя полка тебе доверили или даже круче. К чему это я? А к тому: чтобы снять подтяжки, надо снять школьную куртку – а на ней пять пуговиц, – куда-то ее деть, потому что о крючках в туалете не могло быть и речи. Мой же организм, увидев спасительный фаянс, отказывался терпеть дольше.

В общем, всё, приехали. Уже плохо соображая, быстро отщелкиваю спереди крокодилы подтяжек, не расстегивая штаны – ведь на размер больше, – сдергиваю их и – свобода, чувство невесомости и счастья, которому не мешает даже крепкий запах хлорки и не отвлекают похабные надписи на стенах. Кстати, один раз довелось побывать мне в учительском туалете, там тоже все было расписано, и куда более затейливыми надписями, чем у нас. Кто бы это мог сделать? Наверное, географ, про него уже тогда говорили, что он жуткий похабник.

Да, так вот, как я и говорил, наступило чувство облегчения, невесомости, счастья и все такое, но моя попытка встать оказалась безуспешной. Что-то удерживало меня сзади. Отстегнутые подтяжки – это знамя полка, доверенное отцом, – лежали на тарелке унитаза, а сверху лежал балласт, избавившись от которого я почувствовал ту самую невесомость, причем балласта было много.

Я и так был крупным ребенком, но на нервной почве организм выдал запас на пару дней вперед.

Ситуация кардинально меняется – рай опять превращается в ад. Я в позе орла прикреплен одним концом подтяжек к брюкам, а другой конец безнадежно завален в унитазе. Любое неудачное движение – и не только «знамя», с которым и так всё уже не очень, но и брюки могут пострадать.

Как-то извернувшись на 180 градусов, я отстегнул крокодилы сзади и освободился от подтяжек. Что было дальше, помню, но рассказывать не буду: рассказ получится явно не застольный. Скажу только одно: знамя бросать нельзя, что бы с ним ни случилось и как бы тяжело и неприятно тебе ни было. Вот я и не бросил. Зря, что ли, мы в детстве столько книг про разные подвиги и героев читали. И вправду, безвыходных ситуаций не бывает, весь вопрос, что ты сочтешь выходом, достойным тебя, но сейчас не об этом.

Подтяжки я всё-таки спас, бабушка их отстирала, а папа так до сих пор ничего не знает. Вывод, сделанный мной уже много позже происшествия: если тебе кажется, что все плохо и

выхода нет, – не отчаивайся. Относись философски, подумай: может, спустя какое-то время ты будешь с юмором вспоминать об этом, а то, что воспринималось как неразрешимо ужасный факт биографии, покажется забавным приключением и, может, ты даже напишешь об этом рассказ, как это сделал я.

Страх

В детстве я очень боялся собак.

Я любил всех животных, мечтал иметь свою собаку, а рассказ про пограничного пса Алого настраивал на мысли, что все собаки – настоящие и преданные друзья человека. Наверное, я бы и жил с этими мыслями, если бы у моего двоюродного дядьки не было фокстерьера.

Безобидный с виду пес по кличке Ульффик. У дядьки не было детей, поэтому он завел фокса, любил его, считал членом семьи и, как бывает у собачников, наделял человеческими качествами. А еще он любил меня, часто приезжал в гости и привозил мне подарки. Приезжал он не один, а со своей с женой и Ульффиком. И надо сказать, что, несмотря на то что Ульффик был мужского пола, он был редкостной сукой. То ли ревновал дядьку ко мне, то ли просто ненавидел детей, но не было встречи, чтобы он меня не укусил.

Происходило это обычно так: фокс демонстрировал отличные манеры, вел себя как воспитанный пес, слушался хозяина и демонстративно показывал крайнюю благожелательность и гармонию души. А я, помня прошлые укусы, держался от него подальше. Но взрослые на то и взрослые, что им хочется улучшить мир хотя бы в одном отдельно взятом ребенке, например помочь ему перестать бояться собак. И они начинают говорить: ну что ты боишься, подойди, погладь собачку, она же не кусается. А мне хоть было и шесть лет, но я прекрасно знал, что кусается и еще как. Но взрослые неугомонны: подойди, не трусь, собака чувствует, что ты ее боишься, и поэтому может укусить, а если не будешь бояться, то она никогда не укусит. Ну иди погладь собачку!

Я понимаю, что отступить некуда, и подхожу к Ульффику. Эта сволочь сидит с умильным видом, как небольшая плюшевая игрушка. Я осторожно глажу его по голове, при этом глаза Ульффика изучают ангельскую кротость: укусить ребенка? Я? Ну как вам не стыдно думать обо мне такое, я же приличная воспитанная собака, а не дворняга какая-нибудь.

А взрослые, наигравшись в воспитание храбрости, говорили: «Ну вот видишь, собачка хорошая, не надо ее бояться» и уходили по своим взрослым делам. Я еще по инерции продолжал гладить Ульффика, а он, не меняя своего ангельского выражения и так же преданно глядя в глаза, вцеплялся мне в руку. На мой крик сбегались взрослые, я плакал, а фоксик опять сидел с умильным видом как ни в чем не бывало, и весь его вид показывал: я не понимаю, что происходит, мы так мило сидели, у меня и в мыслях не было ничего дурного, а он, ну то есть я, раскричался, разревелся и все испортил.

Если бы моя собака укусила ребенка, ей бы здорово досталось, я уверен, что так, поэтому моя овчарка, прожив тринадцать лет с тремя моими детьми, даже мысли такой допустить не могла. А эта скотина Ульффик – гореть ему в собачьем аду, если он есть, – кусал меня каждый раз. Кусал неглубоко, но кожу обдирал. Я уже тогда понимал, что собака – друг и помощник человека, а не его хозяин, а какой на хрен помощник и друг, если он кусается, да что за друг вообще такой, если кусается!

Но взрослые почему-то не понимали этого, они спрашивали с пристрастием, не сделал ли я случайно собачке больно. Потом говорили, чтобы не ревел, и мазали йодом царапины. И все! В следующий раз все повторялось в точности так же. Поэтому у меня к десяти годам выработалось четкое убеждение, что собак надо опасаться. Возможно, все так бы и осталось, если бы не случай.

Я однажды собрался на рыбалку. Тогда как-то проще было: накопал червей, привязал удочку к раме велосипеда и поехал – один за пять километров от дачи – на озеро ловить рыбу. Ловить лучше на небольшом мыске, подальше от людей, которых в связи с прохладной погодой на озере отдыхало немного. Забросив удочку, я стал ждать.

Но спокойно половить не удалось – откуда-то прибежала небольшая собака и, облаив меня, удалилась. Вдалеке раздался ответный лай – и вот уже вокруг меня гавкает и рычит целая стая разномастных собак. Бежать некуда, я прижат к воде, как Чапаев к реке Урал, но повторять его подвиг нет ни малейшего желания: вода холодная, да и плавал я не очень. Помощи ждать неоткуда, а собаки, сокращая кольцо, лают все агрессивнее. Постепенно лай переходит в рычание, и мне уже действительно страшно.

Наверное, от испуга я вспомнил, как на меня с приятелем и его отцом напала выскочившая откуда шавка; она облаивала нас и даже демонстрировала зубы, но отец товарища топнул ногой и, крикнув что-то вроде «пошла отсюда», сделал вид, что поднимает камень с земли. И вдруг собака, казавшаяся до этого смелой и злой, увидев, что ее не боятся, поджала хвост и убежала.

Я осмотрелся вокруг и, подобрав две здоровые палки, с криком запустил их в собак. Я даже не успел удивиться, как вся стая, прекратив лаять, обратилась в бегство. Ничего не соображая и продолжая кричать, я побежал за ними, поднял одну из палок и запустил вдогонку, и тогда даже сомневающиеся собаки, остановившиеся на некотором расстоянии, пустились в бегство. Стая удрала! Большая стая злых собак испугалась маленького мальчика без зубов и когтей, мальчика, который сам боялся, который так сильно был напуган, что, начав кричать и кидаться палками, побежал на стаю. И тогда собаки перестали быть ему страшны, и он, победив себя, уже никогда не будет их бояться.

А взрослые-то, похоже, были правы: псы кусают только тогда, когда чувствуют твой страх!

СВЯЗЬ ПОКОЛЕНИЙ

Всегда переживаешь за своих детей, особенно когда дело касается их здоровья. Правда, супруга считает, что я вообще не в курсе этих дел, но на самом деле это не так. За дочку и сыночек волнуешься совершенно по-разному, и дело не в том, что мальчишки – будущие мужчины, а в том, что я хорошо помню себя в их возрасте. Помню собственные переживания так, как будто это было вчера, поэтому, примеряя на себя их ситуацию, примерно представляю, что чувствовал. И вроде ничего, не так и страшно.

Другое дело дочь – она не такая, как я, и я не понимаю, что девочка ощущает и думает. Когда она болела и перенесла три операции за два года, пусть даже не самые тяжелые, я смотрел на нее и думал: лучше бы все это случилось со мной.

Вообще главный по медицине у нас в семье, как и положено, жена, я только договариваюсь с врачами, больницами, заведующими и так далее. Поэтому, когда супруга сказала, что уже договорилась и младшему будут удалять аденоиды, я немного удивился. Они уже ходили на консультацию: из Москвы приезжает светило на один день в неделю, и он все сделает. В детстве мне тоже удаляли, только не аденоиды, а гланды. Попытаюсь сравнить с настоящим – типа сорок пять лет спустя.

Перед операцией я пообещал сыну рассказать страшилку, после того как он выйдет из наркоза. Да! Эту операцию, оказывается, делают под общим наркозом! Когда мне делали, не было никакого наркоза, а тем детям, которые сильно сопротивлялись, в рот вставляли распорку, и всё, но обо всем по порядку. Итак, в шесть лет родители, что-то невнятно объясняя, везут меня в больницу имени Раухфуса. Бабушка с дедом – врачи – подсуетились, и нас там ждут. На первом этаже меня переодевают в колготки – помните, были такие универсальные коричневые: два шва сзади, один спереди, – синие шорты и клетчатую рубашку, на ногах какая-то красно-коричневая обувь. О, как все помню!

Дело было зимой. Я не очень понимал, куда и зачем меня ведет медсестра. И почему родители, стоя рядышком, машут с первого этажа, а меня ведут по широкой лестнице вокруг шахты лифта, затянутой металлической сеткой. Но! Внимание! Родители пообещали, что после операции мне дадут мороженое, и это зимой! Для меня, как для ребенка, которому и летом редко покупали мороженое, это было чудом. Поэтому мысли об операции меня не терзали, я доверчиво плелся за женщиной в белом халате.

Потом я с удивлением обнаружил, что меня оставляют здесь ночевать и в палате еще пять или шесть детей, но после советского детсада это было не страшно. Наутро долго не понимал, где я и кто что от меня хочет. Я ходил по коридору и считал выложенные линолеумом оранжево-голубые треугольники. Считать я умел уже тогда, а вот писать и читать еще нет. В коридоре меня и отловила женщина в белом халате: «Львовский?» И получив утвердительный ответ, повела в кабинет.

Там на меня надели какую-то пижаму и доставили в следующий кабинет, где посадили в здоровенное черное кресло, бинтами примотали руки к подлокотникам, а голову к подголовнику, потом укутали большим клеенчатым фартуком оранжевого цвета, велели открыть рот и засунули в него блестящую металлическую лопатку, было не очень видно. Одна женщина бинтом держала мне нижнюю челюсть, а другая, надавив лопаткой на язык, что-то сделала другой рукой – и потекла кровь. Она текла по этому желобу ручьем, ее реально было много, боль не запомнилась, но было жутко. Врач достала у меня изо рта кусок мяса, а может, это был пропитанный кровью тампон. Меня отвязали, сняли фартук, сунули в руки кусок марли и велели сплевывать. Затем отвели в палату и – внимание! – не дали никакого мороженого!

Это был провал. Правда, оставалась надежда, что дадут потом. В палате «бывалые» на раз-два объяснили, что мороженого уже несколько лет не дают. Интересно, откуда они об

этом знали? Меня зачем-то несколько дней держали в больничке, кормили всякой гадостью, бабушка прислала мне письмо, по-армейски свернутое треугольником, и грамотный пацан из палаты несколько раз читал мне его вслух, другой развлекухи не было. Он вообще был классный, этот пацан. Старше меня, звали вроде Дима. Он был крупный, и голос с хрипотцой. Относился к нам бережно, как к младшим братьям, поддерживал и даже развлекал.

Особенно запомнилось, как он помог одному мальчику: тот очень скучал по маме, а родителей не пускали. Дима взял игрушечную машинку, сказал, что это телефон, дал тому пацану и говорит: «Звони маме!» Мальчик принял игру, «снял» трубку и сказал: «Але». Дима встал за его спиной и стал с ним разговаривать от имени мамы, говорил долго, может, минут пять, а может, и больше. И никто в палате не смеялся и не посмел прервать эту игру. Эти разговоры с мамой по телефону продолжались два вечера, а потом меня выписали. Вот такие воспоминания о счастливом детстве. Никаких наркозов, отдельной палаты и родителей рядом. Только лютая ноющая тоска и, что самое обидное, без мороженого!

Так вот, мой дорогой сын за то, что ты сотворил – по твоему представлению – подвиг, ты попросил подарков на сумму, равную сумме за операцию. При этом ты десять дней сачковал школу, был в палате с двумя родителями, которые тебя отправили и встретили с операции, плюс общий наркоз, одноразовая пижама, эндоскопический метод и в этот же день дома, где тебя всячески ублажали.

Помнишь, вечером, когда я тебе рассказал страшилку о своем детстве, ты, перечислив в качестве компенсации морального ущерба камеру Гоу Про, новый сноуборд, ботинки, крепление и комбинезон, сказал: «Знаешь, когда меня везли на каталке на операцию и я понял, что теперь уже все серьезно и назад дороги нет, мне стало страшно так, что аж всего заколотило. Меня везут, а я думаю: а вдруг меня за плохое поведение на органы продали, может, очнусь, а почки нет, а я даже и не пойму сразу». Про почку – это любимая фраза старшего сына; когда младший чудит, старший говорит, что от него толку никакого, только если на органы продать. Этаким братский черный юмор. Вот, видимо, и врезалось в память. Поэтому он и испугался реально.

Слушай, сынок, ничего не боятся только очень глупые люди, а то, что ты испугался, но не запаниковал, не подал виду, а вел себя достойно, – это и есть храбрость. И ты молодец! Но тебе сейчас одиннадцать, а мне было шесть, про варварско-садистские методы советской медицины я тебе уже рассказал, и тогда никому даже в голову не приходило подарить мне что-либо. Поэтому я тоже молодец, а подарки ты получишь на Новый год, если будешь хорошо учиться. Вот и все. Вот такая связь поколений.

А сын у меня все равно молодец! Да и остальные дети тоже!

Я не дайвер

Нет, я не дайвер. Мой сын дайвер.

Эту фразу за последние семь дней я произнес бесчисленное количество раз. Причем одни и те же люди участливо задавали один и тот же вопрос по два раза в день. А потом искренне, вежливо интересовались, почему я не ныряю. А я и сам не знаю почему, отвечал что-то вроде: доктор говорит, что мне нельзя погружаться глубже четырех метров. Откуда я взял эту цифру, почему глубже четырех? Первый раз ответил так, а потом уже поддерживал эту версию. А они все равно спрашивали. Участливые люди эти иностранцы.

Но не все. На корабле нас человек двадцать пять дайверов и я типа снорклер¹. Четверо поляков – эти, слава богу, быстро усвоили, всё-таки славяне, уже научены не задавать много лишних вопросов. Четыре малайзийца и пара южных корейцев – эти вообще были на своей волне и поэтому приставали с этой глупостью нечасто, а также не слишком интересовались ответом, поэтому я каждый раз выдвигал новую версию. То про голову, то про акул, которых боюсь, то про аллергию на кислород; они со всем соглашались, вежливо кивали головами, интересовались моим ростом и, узнав, что он ровно два метра, радостно со мной фотографировались. Эти ребята из Азии в принципе дружелюбны и не держат в голове лишнюю информацию. Они, как бы это сказать... «легкие». Им реально пофигу на всех остальных, что не мешает им быть приятными в общении и даже не жадными, что часто про них рассказывают. Совсем другое дело евреи. Их на лодке было пятнадцать, и они задавали вопросы более пристрастно: не ныряете, а почему? Заплатили такие деньги и не ныряете? И смотрели с интересом и даже с какой-то жалостью, ну в смысле жаль убогого – Бог совсем мозгов не дал. Платит, а не едет.

Узнавали, что сын дайвер и я поехал из-за него, качали головами, говорили: четырнадцать лет, а уже дайвер, потом обращались к нему: ты знаешь, что твой отец тебя балует, а ты что ему за это? Пришлось сразу выдвинуть версию, что это за хорошую учебу, что, в общем, недалеко от истины, Леня поднажал и последнее время по всем зачетным предметам из Катерхема² приходят только «эй старс».

Когда же этот дайвинг возник в моей жизни? А возник он, по-моему, с того момента, как старший сын начал разумно рассуждать. Я в детстве тоже любил подводный мир. Держал несколько аквариумов. Прочел все книги по аквариумистике, какие были в СССР, читал много научно-популярной литературы и даже хотел стать океанологом или ихтиологом, что тогда мне казалось примерно одинаковым.

По телеку показывали фильмы про батискаф и команду Кусто, который, видно, что-то хорошее сказал про Страну Советов или, может, сочувствовал компартии Франции, кто его знает. Тогда это меня интересовало, и такой же интерес я заметил в глазах у Лени, когда он смотрел про подводный мир на Бибиси, причем древний мир с мегалодонами и прочими ископаемыми его интересовал даже больше. Насмотревшись, сын заявил, что хочет быть подводным археологом. А я, даже не зная, есть ли такая профессия, одобрительно кивал головой, думая: а почему нет?

Дальше – больше, он рос, и его легкий зуд по поводу дайвинга начал перерастать в настойчивое гудение. Первой сдалась мама. Когда Леня, освоив в Эйлате виндсерфинг, глядя на очередных людей в черных облегающих костюмах с нелепыми баллонами на спине, опять загундел, что всю жизнь готов нас слушаться, вести себя хорошо, никогда не обижать брата и сестру, если сейчас ему разрешат разок нырнуть, жена сказала: «Разреши ему», и я пошел договариваться.

¹ Снорклер – пловец с маской и трубкой.

² Катерхем – школа в Англии.

Пройдя первый инструктаж и занырнув, Леня вернулся одухотворенный увиденным. Сказать, что ему понравилось, – это ничего не сказать, с тех пор все его мысли были только о дайвинге. Приехав на следующие каникулы в Россию, он честно отходил на курсы, нырял в бассейне и каком-то озере. Хоть дело было осенью, я замерз на берегу, это ничуть не остудило его пыл. Позже, приехав в Эйлат, я сидел на пляже и читал книгу, напоминая себе курицу на берегу, высидевшую яйцо с утенком, а мой сын, сдружившись с инструктором и другими дайверами, проводил все время под водой. И вот тут впервые – «спасибо» за это инструктору Леве – возникло слово «Мальдивы».

Леня провел психологическую обработку меня и нашел турфирму, работающую с дайверами. И вот в апреле в Мале под проливным дождем мы садимся на яхту и начинаем наш дайвтур. Каюта оказалась весьма неплохая, можно даже сказать – хорошая. Акклиматизироваться просто: температура 32, вода столько же. Влажность стремится к 100 процентам. Надо все время пить воду, на следующий день перестаешь так страшно потеть и можно уже пить поменьше. Самая удобная одежда – шорты и льняные рубашки с длинным рукавом.

На второй день я точно знал, что жару можно победить, если тебе есть чем заняться днем и если у тебя каюта с кондиционером ночью. Кстати, у яхты есть огромный плюс: она больше идет, чем стоит, поэтому на носу, под тентами, на лежаках все время дует легкий ветерок и поэтому весьма комфортно. В принципе поездка понравилась. Было интересно все время куда-то плыть, смотреть новые места. Персонал услужлив и внимателен порой до бестолковости, но это не раздражало, а смотрелось даже как часть местного колорита. Кормили вкусно и разнообразно.

На яхте я впервые оценил преимущества острой азиатской кухни. В жару она усваивалась легче, чем обычная европейская, хотя специй добавляли от всей души.

В первый же день все дайверы и мой сын, доехав до места погружения, радостно нырнули, а мне показали небольшой атолл и сказали: плыви туда, там много интересного. Интересного действительно было много – огромное количество всяких цветных рыб, с хрустом и даже, я бы сказал, с хряпаньем грызущих кораллы.

Очень красивые сами кораллы, губки, морские огурцы. Все это живет своей жизнью, не обращая на тебя ни малейшего внимания. Иногда проплывают маленькие рифовые акулки размером меньше метра, черепахи, рыбы-стрелы, из своих норок высовываются мурены и не слишком дружелюбно скалят зубы. Заплывают и рыбы покрупнее, серебристого цвета, и начинают охотиться на цветную мелочь, живущую на рифе, но делают это лениво, как будто не для еды, а просто для физ-зарядки или чтобы мелочь знала, кто хозяин в Калифорнии.

Со всех сторон островок окружала голубая бездна, и кто живет в ней – известно только дайверам. Позже я еще много нырял и видел не менее красивые места, но первый мой риф произвел на меня впечатление, как первая любовь – что было, уже и не помнишь, но понимаешь, что в целом не забудешь никогда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.